

КРУГОВОЗОР

ВСЯ ЖИЗНЬ-
ЭКЗАМЕН

Белые Вороны на фоне перестройки
Леонид Оболенский — живая история

Под крышами театрального Парижа
Завораживающий голос Вари Паниной

Настя Понева — новое имя на эстраде
Импровизации американки Сары Воан

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Знакомьтесь: Николай Путилин
Крис Ри — звезда рока

Группа «Нескучный сад» и ее персонажи
Олег Назаров: смех по талонам

Песни «Сан-Ремо-91»
В дискотеке — группа «Твои день»

ЭТА МУЖСКАЯ РАБОТА

ПЕРЕСТРОЙКА И МЫ

Если древний философ Диоген много лет своей жизни провел в бочке, то Владимиру Егорову, профессиональному философу, о бочке приходится пока только мечтать. Правда, в своих снах и грезах ему представляется целый поселок, воздвигнутый из «бочек» (так называют конструкцию временного жилища для нефтяников и строителей Заполярья с автономным электроснабжением, горячей водой и прочими атрибутами цивилизации).

Неужто и сегодня, для того чтобы человеку мыслящему пришла в голову дельная идея, непременно следует уединиться в этакое экзотическое жилище? «Отнюдь нет, — возражает мне Владимир, — главная мечта посетила меня, как ни странно, солнечным днем на шумном звенигородском пляже. Ну а если серьезно, то идея объединить людей, исповедующих здоровый образ жизни, организовать подобие коммуны вовсе не нова. Вспомните Чернышевского «Что делать?». Да и сегодняшний международный опыт знает примеры подобных поселений в Индии и Голландии, Южной Америке и Австралии. Во всем мире это движение набирает силу, и только у нас, пожалуй, оно пока вызывает скептические улыбки».

Впрочем, снисходительные улыбки это движение вызывает

Нас называют «белыми воронами» — так издавна говорили на Руси о чудаках, изобретателях, юродивых и изгоях. Нет пророков в своем Отечестве. Да мы на эту роль и не претендуем: без нас хватает политических предсказателей, экономических заклинателей, экологических вещунов...

Мы не собираемся растрчивать силы в словесных баталиях, вести плакатную войну, расплескивать свою энергию на митингах и забастовках. Мы хотим послужить Родине делом. И пока не оскудела наша земля умельцами и мастерами, пока сохранились еще редкие, есенинской красоты светлые, чистые уголки России, пока смотрят слепыми окнами брошенные, осиротевшие дома в покинутых деревнях, мы уходим туда, чтобы своими руками поднять и возродить эту землю.

Мы не боремся с пьянством и курением — мы просто не пьем и не курим, потому как не очень-то много наработаешь с постоянного похмелья. Мы не ищем спонсоров, потому что рассчитываем только на собственные руки и голову.

Но мы рады любому деловому предложению, честному партнерству и за помощь и поддержку будем платить долги сторицей, как всегда водилось на нашей земле. Мы хотим собственными руками строить свою жизнь, свою судьбу. Увы!

Многие разучились это делать, потеряли вкус к настоящей мужской работе. Но я верю, что все вернется на круги своя, снова станут в цене трезвые головы да работающие руки — не том стоялв и стоять будет жизнь наша...

А пока мы — Белые Вороны, но время дает нам шанс превратиться в белых лебедей!

Владимир ЕГОРОВ.
Председатель Ассоциации Белых Ворон

Владимир Егоров:
«Наших ребят Белых Ворон, хоть на Северный полюс забрасывайте, выдержат все, все преодолеют».
Слушайте первую звуковую дорожку.

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

ПРЕВРАТЯТСЯ ЛИ
ВОРОНЫ
В БЕЛЫХ
ЛЕБЕДЕЙ?

только у обывателей, люди же серьезные, умудренные опытом и облеченные властью, как, например, руководители Рязанской области, сразу смекнули, какие выгоды им сулят поселения профессионально подготовленным людям, чтобы создать настоящий костяк будущей коммуны, куда потом уже можно будет пригласить и начинающих огородников, и пенсионеров, и даже школьников. Но вначале коммуна должна набрать силу, встать на ноги, а для этого нужен слаженный и дружный коллектив работников, истинных хозяев.

Белые Вороны убеждены, что для повсеместного фермерства Россия еще не созрела и в одиночку пока эту машину не поднять. А вот те формы хозяйствования, в которых будут существовать их коммуны и поселения, наиболее приемлемые. Это полигон для обучения будущих фермеров не только сельскохозяйственным профессиям, но прежде всего новым взаимоотношениям в условиях рынка. Конечно, здесь есть и доля риска — не все может сложиться удачно, ведь это первый опыт. Но Белые Вороны и к этому готовы: неудача — тоже наука.

Ну а как быть с «бочкой» для философа? Пока Егоров бьется за то, чтобы достать эти комфортабельные «временки» и разместить в них первых поселенцев. А потом, через год-два, когда вырастет поселок коттеджей с культурным центром и бассейном, со своим тренажерным залом и зимним садом, может быть, он засядет в одну из освободившихся «бочек» и напишет, наконец, диссертацию на тему, которую он выбрал: «О характере новых трудовых отношений в кооперативных хозяйствах в условиях рынка». Ну чем не Диоген, ведь тот тоже был белой вороной.

Любовь ТЕРЕХОВА

семьи из-под Чернобыля, есть целые заводские бригады, есть ученые и поэты... В поселение — конкурсный отбор, предпочтение, как правило, отдается наиболее профессионально подготовленным людям, чтобы создать настоящий костяк будущей коммуны, куда потом уже можно будет пригласить и начинающих огородников, и пенсионеров, и даже школьников. Но вначале коммуна должна набрать силу, встать на ноги, а для этого нужен слаженный и дружный коллектив работников, истинных хозяев.

Белые Вороны убеждены, что для повсеместного фермерства Россия еще не созрела и в одиночку пока эту машину не поднять. А вот те формы хозяйствования, в которых будут существовать их коммуны и поселения, наиболее приемлемые. Это полигон для обучения будущих фермеров не только сельскохозяйственным профессиям, но прежде всего новым взаимоотношениям в условиях рынка. Конечно, здесь есть и доля риска — не все может сложиться удачно, ведь это первый опыт. Но Белые Вороны и к этому готовы: неудача — тоже наука.

Ну а как быть с «бочкой» для философа? Пока Егоров бьется за то, чтобы достать эти комфортабельные «временки» и разместить в них первых поселенцев. А потом, через год-два, когда вырастет поселок коттеджей с культурным центром и бассейном, со своим тренажерным залом и зимним садом, может быть, он засядет в одну из освободившихся «бочек» и напишет, наконец, диссертацию на тему, которую он выбрал: «О характере новых трудовых отношений в кооперативных хозяйствах в условиях рынка». Ну чем не Диоген, ведь тот тоже был белой вороной.

НАМ ПИШУТ

РАБОТАТЬ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

«Н у, когда же, когда заработают новые законы о земле? Ведь с продовольствием стало хуже некуда и в городах, и на селе» — вот лейтмотив многих писем. «К сожалению, фермерство, на которое мы уповаем с такой надеждой, пускает корни крайне медленно, и если мы все не начнем работать засучив рукава, от голода это тоже не спасет», — размышляют авторы других писем. «Местные власти во многих районах по-прежнему рьяно ставят палки в колеса тем, кто хочет свободно трудиться на земле, чувствовать себя хозяином», — делают выводы третьи. «А может быть, и не осталось желающих работать на селе? — спрашивают иные. — Что же теперь, крестьянина в Красную книгу будем записывать?»

Из письма А. П. Федорина, г. Москва: «Я решил заняться фермерским хозяйством, писал всюду, ездил по близким градам и весям, исколесил едва ли не всю Московскую область. Но нигде не нашел поддержки. Стоят пустые, брошенные дома, а власти отвечают — домов нет. Сиротливо лежат необработанные поля, а дать землю не хотят. Может быть, у вас есть информация, в какой области, в каком районе умное и думающее руководство в Советах, болеющее душой за народ, желающее, чтобы в стране был достаток. Гдв приложить руки, умеющие работать?»

М. П. Польща, г. Усть-Каменогорск: «Мне 45 лет, из них 25 прожил в сельской местности. Сейчас имею квартиру в городе, но мечтаю о жизни в деревне. С удовольствием перебрался бы в какую-нибудь область, например, в Воронежскую. Для того чтобы вести настоящее хозяйство, нужно примерно 50 гектаров земли, десяток коров, тогда бы можно было развернуться. И мне был бы доход, да и местное население не осталось бы внакладе. В общем, к переезду готовлюсь основательно. Хочу быть настоящим хозяином и захитить по-человечески, как жили мои родители до раскулачивания».

Екатерина Тимофеева, Алтайский край: «Я очень вас прошу, подскажите нашим большим правителям, что когда у наших дедов и отцов отнимали землю, то деньги им не платили, а многих просто расстреливали. А сейчас та же родная власть, кругом виноватая перед мужиком, требует, чтобы внуки и дети наши выкупали ту же землю, которая полита потом их родных и которую отняли у них не за понюшку табаку. В моей голове никак не укладывается такая «добродыша» нашего правительства».

О. С. Козырев, Нижегородская область: «Здесь, на периферии, идет злостная кампания обливания грязью, дискредитации тех, кто хочет работать на земле и кто их поддерживает. Уж как только не ругают демократов, которые добиваются земли для мужика. Дояркам, например, прямо говорят, что вот, дескать, придут демократы и вышвырнут их на улицу. Дояркам по 50—55 лет, они всю жизнь горбатят на фермах и действительно начинают бояться. Надо учесть и еще одно: полную зависимость деревенского человека от любого начальника. Дров привезти, угля выписать, участок отвести под огород — все зависит от прихоти бригадира, учетчика, бухгалтера, председателя, и так до бесконечности. Ведь только в конторе колхоза не менее 60—80 человек на хлебных должностях числятся. Вот и не хотят начальники на волю крестьян отпускать, а хотят, чтобы, как и прежде, содержали этих бездельников всю жизнь».

В. Г. Шумейко, Архангельская область: «Понимаете, никак не могу взять в толк: почему тот, кто желает получить землю, обрабатывать заботливо, не может этого сделать? Думаю, что надо во всеуслышание, на посрамление всем называть поименно тех руководителей Советов и хозяйств, которые ведут себя, как собаки на сене — сами землю извозят, она у них бурьяном зарастает, а работать людям на нив не дают».

Может быть, прав наш читатель В. Г. Шумейко: порв во весь голос — и в печати, и по телевидению и радио — назвать имена тех, кто тихо саботирует перестройку, особенно в таком важном деле — дать крестьянам свободно трудиться на свободной земле.

Марина НАТАЛИЧ

Во время недавних гастролей в Англии Николая Путилина нарекли «бриллиантовым» баритоном. Я не сомневаюсь, что имелись в виду блестящие качества голоса артиста, но можно узреть в этих словах и «стоимость» самого голоса, представляющего бесценный капитал для культуры страны, если к нему по-хозяйски, конечно, относиться. Драгоценными самородками-талантами наша земля не оскудела пока. Но...

О Коле Путилине, называю его так по дружбе, я услышала лет пять назад от коллеги, вернувшейся из Казани с фестиваля имени Ф. И. Шляпина. Мнение было таково, что этот певец — будущее нашей оперы. Многообещающее имя появилось в Москве летом 86-го года в гастрольных афишах театра оперы и балета имени Мусы Джалиля. Путилин пел Томского в «Пиковой даме» и Валентина в «Фаусте». Мы действительно услышали роскошный голос — редкостный теперь драматический баритон. Масштабный, с красивым, мощью насыщенным звуком. И хоть сценическое поведение артиста показало мне весьма беспомощным, в самом его голосе чувствовались громадные потенциальные возможности. Воображение тотчас выстроило блестящий ряд возможных образов: Риголетто, Яго, Ди Луна, Мазепа...

На «Фаусте» мы и познакомились. Красивый в гриме, он показался мне еще красивее в жизни. Искренний, непосредственный, импульсивный, он в чем-то выглядел совершенно ребенком, в чем-то — старцем-мудрецом. Говорил, что, если не сложится как артист, уйдет в какой-нибудь тибетский монастырь. О себе рассказывал скупко. Родом из Саратовской области. Рано лишился родителей. Учился в Сыктывкаре, затем в Красноярском институте искусств в классе Екатерины Константиновны Иоффель. Потом пел в Сыктывкарском музыкальном театре. Выступление на шляпинском фестивале в Казани, получил приглашение в театр оперы и балета Мусы Джалиля.

Я попробовала записать его на радио. Запись оказалась неудачной, но я все же позвонила друзьям в Большой театр: придите, послушайте, прекрасный голос! Пришли, послушали, сказали, что известят певца. На этом все и закончилось. Гастроли театра из Татарии прошли успешно, но без помпы и особого интереса со стороны прессы. О Путилине упомянули лишь вскользь...

А потом была премьера «Риголетто» в Казани, с которой певец связывал большие надежды. Я с нетерпением ждала фонограммы. Впечатление от нее было шоковым, так как все это казалось антимузыкальным. Я написала Николаю резкое письмо. Он обиделся.

На седьмой звуковой дорожке в исполнении Николая Путилина вы услышите пролог из оперы Левкавалло «Паяцы» и сцену Риголетто и Джильды из оперы Верди «Риголетто» (фрагменты). Партию Джильды исполняет Ольга Ковдига.

Потом я много слышала певца на разных фестивалях в периферийных театрах. Он имел там бешеный успех, правда, в традициях истинно провинциальных. Он пел в слабых составах, под аккомпанемент плохих оркестров. Артиста ставили в примитивные мизансцены. И было больно слышать неповторимый его голос, достойный, как мне представляется, лучших сцен мира, в этой убогой обстановке.

Несколько лет Путилин не давал знать о себе и вдруг в начале года позвонил мне и пригласил на фестиваль в Казань. Фестиваль проходил уже в 10-й раз и получил статус Международного.

За годы своего существования он сплотил вокруг себя и любителей искусства, и профессионалов. В огромной степени тут заслуга главного режиссера театра Валерия Раку, жертвенный энтузиазм которого безграничен. И, может быть, именно благодаря ему Николай Путилин имеет еще возможность состояться как артист по большому счету.

Валерий Раку дает ему возможность интенсивно трудиться и готовить спектакли в основном в расчете именно на этого артиста. Так были поставлены «Риголетто», «Снегурочка», «Демон», «Отелло», «Князь Игорь». В ближайшей перспективе — «Летучий голландец» Вагнера. Ну где еще, в каком театре так относятся к таланту?

За последний год певец сильно изменился. Исполнение стало более экспрессивным, увлекательным. Видно, что он самозабвенно работает. «Ну а как твоё выступление в Англии?» — спросила я Николая. «Такого даже ожидать не мог», — ответил он.

Англия, Англия... Получить возможность выступить там помог Николаю его товарищ Дмитрий Хворостовский — теперь уже премьер международного ранга. Напомню, что он, как и Путилин, окончил Красноярский институт искусств по классу Иоффель. И вот что я думаю о Путилине в связи с его английским турне. В ближайшей перспективе-то ведь у него, как сказал бы Бальзак, не только блеск... Не только грядущее выступление в «Летучем голландце», но и возможность оказаться в Казани с семьей... на улице. Ибо срок его временной прописки в этом городе вот-вот истечет. «У нас в Казани на гармошках играют в подземных переходах, и я скоро там буду петь неаполитанские песни», — грустно пошутил певец. Но зачем же так сразу и в «подземках» Казани? Хотя в 37 лет начинать зарубежную карьеру поздновато, но исключение, и очень удачные, такого плана были.

Не зря же в Англии голос Николая Путилина назвали «бриллиантовым». Кто знает, а может быть, эта драгоценность из числа «исторических камней»?

Людмила БОРЗЯК

БРИЛЛИАНТОВЫЙ БАРИТОН

На фото:
Н. Путилин
в роли Демона
в одноименной
опере
А. Рубинштейна.

Прошла четверть века после второй мировой войны. И вдруг в Варшаве назревает крупный скандал. А началось с того, что недавний генеральный прокурор Великобритании Элвин Джонс, министр иностранных дел Майкл Стюарт и видный политик Патрик Гордон Уокер в меморандуме на имя тогдашнего лидера Польши Эдварда Герека писали: «Жан Жильбер (Леопольд Треппер) принимал участие в опасных битвах против фашистских держав. Он внес единственный в своем роде вклад в дело уничтожения на-

стных объектов на оккупированных территориях. Умный, бесстрашный и неуловимый разведчик, известный немцам заочно под кличками Генерал, Отто и Большой шеф, мог неожиданно появиться в любой точке Европы.

После войны, когда к союзникам попали архивы абвера и гестапо, а спецслужбы Франции и Англии провели специальные исследования феномена Жана Жильбера, вездесущие западные журналисты назвали его одним из самых выдающихся разведчиков века, сумевшего обвести вокруг пальца

В экстремальной ситуации охранное устройство сработало и без часов.

Летом 1940 года месяце Жильбер, используя связи в немецкой комендатуре, добился приглашения на торжества по случаю победы вермахта над Францией. Опричники фюрера, пребывая в эйфории от разгрома англо-французских войск в Люнкерке и падения Парижа, устроили для гостей поездку по оккупированной зоне Франции. Лучшие трофейные вина и кумысы развязали им языки.

Жильбер наматывал на ус все

МНОГО ЛЕТ НАД КРАЕМ ПРОПАСТИ

цистского господства и, следовательно, ликвидации нацистской тирании в оккупированных странах, к которым относятся и Польша...» Этот документ подписывают также 21 депутат-лейборист, семь консерваторов и пять либералов.

Как раз в это время началась травля Жильбера в Польше, вызванная его протестами против незаконных преследований тогдашних диссидентов и национальных меньшинств.

Сразу же в Париже лидер социалистов Франсуа Миттеран и знаменитый писатель Андре Мальро публично выступают против травли Жана Жильбера. В Бельгии, Швейцарии, Голландии создаются комитеты протеста. С недоумением обращаются к польским властям группа американских сенаторов, провозглашая Англию, Австралию, Бразилию, Колумбию, Израиль. Идут запросы и из Советского Союза.

Итак, в разгар непримиримой конфронтации и «холодной войны» между странами НАТО и Варшавского Договора виднейшие деятели враждебного нам тогда Запада выступают в яростную защиту... советского военного разведчика. Что это, парадокс времени?

Резидент советской военной разведки в Западной Европе Жан Жильбер и некоторые другие антифашисты в довоенные и военные годы бескорыстно пришли на помощь Советскому Союзу в самые критические дни. От них поступала в Главное разведывательное управление Генштаба Красной Армии бесценная информация о планах фашистского рейха против СССР, стран Восточной и Западной Европы.

Польский гражданин Жан Жильбер, человек с десятью лицами, в разное время, в зависимости от обстоятельств, становился подданным Канады, Гельгии, Франции, сдал коммюне, членские фирмы и их филиалы, поддерживал деловые связи с организацией генерала Тодта, гитлеровского министра вооружения и строительства воен-

изощенных асов из ведомств рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера и адмирала Вильгельма Канариса.

...В канун второй мировой войны на одной из аристократических улиц Парижа появляется по-голливудски роскошно обставленная контора экспортно-импортной фирмы «Симэкс». Дирекция «фирмы» состоит из подставных лиц, не вызывавших подозрения у французских, а в годы войны и оккупации и у немецких властей.

В кабинете Большого шефа была замаскированная дверь, ведущая в другую комнату. Там хранились рация, сейф с кодами и шифровальными таблицами, записные книжки с именами нужных влиятельных лиц. Из этой комнаты можно было незаметно пройти по скрытой лестнице в задний двор другого дома на соседней улице.

Из конторы «фирмы» тайные нити протянулись в наиболее важные германские учреждения — военные и гражданские — не только в Париже, Брюсселе, Гааге и Копенгагене, но и к столице рейха. У Жана Жильбера имелись приемные и передаточные радиостанции, в том числе по одной в Бельгии и Голландии, три в Швейцарии, две во Франции — в Париже и предместьях Пекве, а также в Восточной Пруссии. Над ними шефствовали советский радист Михаил Макаров и опытный специалист по радиотехнике, старый немецкий коммунист Иоганн Венцель. В конспиративных донесениях фигурировали его псевдонимы Ханс Герман, Брэмман. На парижской радиостанции, в частности, трудилась и чета французских коммунистов — Робер и Люси.

Секретная комната за кабинетом Большого шефа охранялась специальным передатчиком, присоединенным к настенным часам, которые заводились ежедневно. Если все было спокойно, передатчик давал сигналы через пост, расположенный в холле. Отсутствие сигналов означало появление близ «фирмы» подозрительных лиц.

увиденное и услышанное. А потом направил в центр доклад, в котором подробно изложил сведения о германской тактике и стратегии окружения в оккупированной зоне Франции.

Эта информация не была вовремя учтена из-за фатальной веры Сталина в пакт Молотова-Риббентропа. Он больше верил фюреру, чем выдающимся советским разведчиком Рихарду Зорге, Шандору Радо, Жану Жильберу. Сталин игнорировал даже предупреждения президента Рузвельта и британского премьера Черчилля, имевших опытейших агентов в Берлине.

На фото:
Жан Жильбер,
Ян Карлович
Берзин, 1936 г.;
Жоржин
де Винтер, 1943 г.;
один
из руководителей

«Красного
оркестра» —
Харро
Шульце-Бойзен,
1941 г.;
Жан Жильбер
в 1975 г.
(снимок внизу слева).

о предстоящей в мае — иконе агрессии против Советского Союза.

В эти драматические времена Жан Жильбер из Парижа, Рихард Зорге из Токио, профессор Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен из Берлина (заметим, что старший офицер Шульце-Бойзен проник в высшие сферы ВВС Германии) слали в центр десятки и сотни доносений о готовности Гитлера к порабощению Европы и вероломному удару по СССР, в частности.

Группа Жильбера собирает сведения где только можно — от французских железнодорожников до немецких офицеров в парижских барах и кабаре. Еще за несколько недель до вероломного нападения на СССР Жан Жильбер узнает о передислокации больших германских войсковых соединений к советской границе, подготовке воздушных пиратов Геринга к удару по советским городам, аэродромам, военно-морским базам.

Жан Жильбер предупредил центр о начале наступления немцев на Москву 20 октября 1941 года, о приказе Гитлера захватить Одессу не позднее осени, о подготовке разгрома Севастополя и его флота, о выдвигении к Москве и Ленинграду дальнобойной артиллерии, о втором генеральном наступлении на советскую столицу в ноябре (операция «Тайфун»). Жильбер регулярно сообщает о количестве самолетов «мессершмитт» и их модернизации, о подготовке к разгрому с воздуха и подводными лодками англо-американских конвоев, оледовавших с грузами по ленд-лизу в советские порты Мурманск и Архангельск. По образному выражению французского автора Пола Каррелла, советские военачальники, имея данные своей законной разведки, «чуть ли не в прямом смысле заглядывали через плеч Гитлера в его карту и недоумевающим образом реагировали на его планы».

Как же один из десяти детей мелкого лавочника Захара Треппера из Галиции, бывший разнорабочий и литейщик в Катовицах стал советским военным разведчиком Жаном Жильбером? Испытав в юности голды и мита, ства неустроенности, Ларлольд Треппер покидает родину и вместе с группой юношей отправляется в разные страны Европы и Азии в поисках работы. Невзирая на противник надвигавшегося фашизма, он убежден, что сокращение его может только Советский Союз. В 1932 году он нелегально приезжает из Парижа в Москву и регистрируется в польской секции Коминтерна. Там его познакомили с одним ответственным работником Генштаба Красной Армии.

Генштабист находит в молодом человеке удивительную способ-

ность к иностранным языкам и артистический дар перевоплощения. Новый знакомый представляет его основателю и первому начальнику Главразведупра Генштаба Красной Армии Яну Карловичу Берзину. «Мы знаем о вас все — сказал Берзин. — вы нужны нам. Не здесь, в аппарате, нет. В борьбе с фашизмом на невидимом фронте в Европе. Согласны?»

Пять лет учебы в специальной школе и академии, и рабочий-литейщик превращается в уважаемого западного буржуа и ловкого коммерсанта — сначала канадского бизнесмена Адама Меклера, затем во французского фирмача Жана Жильбера. Он тщательно подбирает единомышленников и борцов Сопротивления по всей Европе.

Канарис и Гиммлер предпринимали все меры, чтобы заперенговать радиопередатчики нашей разведки. Так была создана специальная комбинированная элитная команда в состав сотрудников авиации, полевой полиции и гестапо. Командиром разведки и командой был назначен опытный контрразведчик — майор Бернер фон Фликке. Операция получила название «Медведь».

Первые жиды неизвестной радиостанции были зафиксированы немецким радиопостом в городе Кренце недалеко от Кенигсберга. После шестимесячных лихорадочных поисков были заперенгованы еще несколько секретных приемных и передаточных станций. При захвате одной из них был арестован Иоганн Венцель.

На след Большого шефа немецкая контрразведка напала почти случайно. В одной из заброшенных им резиденций она нашла на настенном календаре надпись — дату посещения зубного врача в Бельгии. Этот день стал роковым. Гестаповцы стащили его буквально с кресла у бормашины. Прибывшие из Берлина личные представители Гиммлера и Мюллера получили указание склонить его щедрыми посулами на службу Германии. Его поместили в гестаповскую виллу Нейи, где долгие месяцы велась его обработка. Режим содержания был щадящим. Жильбер сознательно вел себя двусмысленно, обдумывая план побега. Однажды ему разрешили выйти в город. К нему приставили гестаповца Вилли Бергера. Зайди в одну из аптек, Жильбер попросил стража подождать две минуты у входа. Когда полупьяный Бергер вошел в помещение, узник гестапо бесследно исчез. Поиски его были тщетными. О его побеге узнали и в центре.

Первое время он скрывался у участницы Сопротивления и близкой знакомой американки Жоржин де Винтер. Затем их обоих укрыли в доме Клода Спаака, социал-де-

мократ, брата будущего премьер-министра Бельгии Поля Спаака. Опасаясь, что семья Спаака, возможно, находится на подозрении, Жильбер тайно пересек границу Франции. Вскоре страж Жоржин была схвачена полицией и помещена в концлагерь, откуда ее освободили французские коммунисты в 1945 году.

После окончания войны Жильбер был вызван в Москву, не подозревая, что ожидает его в столице. Подручные Берии, несмотря на протест Генштаба, заочно осудили его за «измену» (побег его был осуществлен якобы в сговоре с гестапом) к 15 годам тюремного заключения и 5 годам лишения прав. После смерти Сталина и расстрела Берии отважный разведчик был освобожден и полностью реабилитирован. Однако горькая обида заставила его навсегда расстаться с разведкой и уехать на родину в Польшу.

В Варшаве он редактировал журнал, был в большой дружбе с местной интеллигенцией и вскоре обнаружил, что МВД Польши незаконно репрессировало ряд известных в стране интеллектуалов и дискриминирует нацменьшинства. МВД следовало курсу Брежнева. Жильбер неоднократно обращался с письменными протестами в ЦК ПОРП и лично к Первому секретарю Герку. Это вызвало озлобление тогдашнего министра внутренних дел Мочара. За Жильбером установили слежку, подвергали домашнему аресту, не давали визу на выезд в другие страны. И только глас мировой общественности помог освободиться ему от оков польской спецслужбы.

Измученный, постаревший, он выехал с семьей в Данию, а в 1975 году издал в Париже свои мемуары «Большая игра». Они изданы почти в двадцати странах мира.

Счастливым случай свел меня с Жаном Жильбером в конце 60-х годов в одной из московских редакций. Человек среднего роста, с поседевшей головой и зальсиной на высоком лбу, сосредоточенный, молчаливый. Говорил с паузами, обдумывая каждую фразу.

— Не удивляйтесь, — сказал он, почувствовав мое деликатное нетерпение. — Хожение много лет над краем пропасти, повседневный риск и сама профессия приучили меня к скрытности. — При этом его темные-серые зоркие глаза как бы пронизывали меня насквозь. Он сказал, что приехал из Варшавы, надеясь договориться об издании на русском языке подготовляемых им мемуаров (заметим в скобках, что они только что изданы и у нас). Я смотрел на пожилого, уставшего человека, так не похожего тогда на молодого разведчика, фотографию которого вы видите.

Георгий ОСИПОВ

На пятой звуковой дорожке Н. Полева исполняет свои песни на стихи Е. Кормильцева «Стратосфера» и «Ноа Ноа».

Допрыгались, приплыли. О существовании советских рок-групп нам теперь чаще напоминают с Запада. Такое письмо из Штатов мы получили, например, о группе «Настя». Американская компания трогательно сообщала, что команда Анастасии (Настя) Полевой была создана в 1987 году в городе Свердловске (в районе Уральских гор — заботливо уточняли журналисты, предполагая, возможно, нашу небрежность).

Впрочем, что я, собственно, распереживалась? Поехать за границу всегда было заманчиво. Вот и «Настя» отправилась прошлым летом на музыкальный фестиваль в Нюрнберг. В ситуации нависшей инфляции и тотального дефицита в нашей стране зарабатывать в валюте или натуральным обменом стало привлекательной перспективой для тружеников. Дружеское пожелание: «Возвращаться домой только в очередной отпуск» — теряет свою шутейскую окраску. Поэтому нет ничего удивительного, что многие рокеры, и в том числе «Настя», заключили договоры с западными фирмами.

Вполне естественно, что одним из первых о группе «Настя» стал информировать молодежь свердловский рок-листок «Перекасти Поле». Распространились сведения, что под эгидой красивой и талантливой девушки Насти с помощью музыкантов, сотрудничавших в «Урфине Джюсе» и «Наутилусе Помпилиусе», был выпущен в 1987 году магнитофонный альбом «Тачу». Песни из этого альбома «Вниз по течению неба» и «Клипсо-калипсо» зазвучали по радио.

Позже жители многих городов смогли увидеть Настю Полеву. В столице она выступила на открытии акции «Рок чистой воды». И сразу полюбилась своей ... ненарочитой простотой. В отличие от мудрствующих — и нередко лукаво — коллег ее мелодии красивы и демократичны. Стихи, как правило, построены на внятно развивающемся сюжете. (Хотя значительную часть текстов для «Настя» пишет весьма непростой человек Евгений Кормильцев — младший брат известного по «Наутилусу» Ильи Кормильцева.)

Настя умеет превратить в доходчивую сценку даже достаточно сложное поэтическое произведение. В этом ей помогает природное умение владеть аудиторией. Она не заигрывает со слушателями, на вид ведет себя отрешенно, однако достигает эффекта задушевной беседы с каждым сидящим в зале.

В артистичность Насти вписывается ее странная пластика, на первый взгляд неумелая. Но и это работает на обаяние образа — не «звезда», обычная девчонка, простая, мило застенчивая. Ее усер-

дие передать в движении все то, что ей дорого в музыке, стихах и жизни, подкупает так же, как чтение поэтами собственных произведений — в чем-то слабее, чем если бы их исполнил завзятый чтец, но зато первозданнее и самобытнее.

Свердловская школа рока вообще отличается близостью к попсе в самом добром понимании такого контакта. Лучший провинциальный рок доступен почти как поп-музыка, однако не теряет осмысленности и разработанности материала. Этим характерен и второй альбом «Настя» выпуска 1989 года — «Ноа Ноа».

Не случайно Настя Полева дважды получала главные призы на киевском фестивале «Мисс рок» в 1989 и 1990 годах. Трудно представить, с кем ей соревноваться: в

роке немного женщин, а таких, как она, вообще единицы. Настя обладает своеобразным, запоминающимся тембром голоса и несуетностью и на сцене, и за кулисами, и, понятно, в жизни. Думается, ей под силу подчинить своему взгляду на творчество даже такого волевого лидера группы, как гитарист Егор Белкин.

Спасибо, конечно, американцам — заметили Настю. Но одаренная певица, автор музыки и стихов Настя Полева, надо думать, завоюет сердца и наших поклонников высокого искусства эстрады. ■

Нина ТИХОНОВА,
кандидат искусствоведения

Фото Д. ЛОВКОВСКОГО

МИСС РОК — НАСТЯ ПОЛЕВА

Каждый раз фестиваля в Сан-Ремо Италия ждет с нетерпением. Сколько бы ни ругала критика песни, певцов, декорации на сцене, ведущих, он остается главной витриной итальянской эстрадной песни. На сей раз организаторы фестиваля, внеся ряд существенных поправок в концерты, вернулись в привычный и уютный зал театра «Аристон», и это было воспринято как первый признак перемен к лучшему.

Хочу пояснить, за что ругают Сан-Ремо критики. Worse всего для музыковедов — как кость в горле — легкая, непритворная мелодия, ласкающая ухо, и такие же бездумные, легкие слова. Песенка тут же записывается в категорию «худшей традиции». Правда, на завтра, едва отзвучали последние аккорды фестиваля, эти мелодии уже звучат в общественных местах, поскольку их предназначение ласкать слух, не более. Песня Джанни Мацца «Шуточка» — из этой категории.

Рассказывать о музыкальном событии, которое многие из читателей могли видеть на экране телевизора, — занятие пустое, ибо что можно добавить к непосредственному впечатлению? Вероятно, запомнились две девушки, составившие прежде невиданный для таких концертов дуэт, — Джо Скуилло и Сабрина Салерно. Пресса их песню не приняла, да и, пожалуй, ее трудно принять, ибо и в словах, и в музыке — она словно маленькая глава из раннего феминизма. Исполнительницы впечатляли другим — малым количеством предметов туалета во время концертов, особенно не Сабрине. На конкурсе красоты они могли бы, вероятно, претендовать на победу да и на конкурсе танца тоже неплохо бы смотрелись. Ну а на смотре эстрадной песни они оказались на последних местах. Впрочем, возможно, могут быть и другие мнения. Во всяком случае, звуковая дорожка предлагает на ваш суд песню «Мы — женщины» в их исполнении.

Есть категория исполнителей, которые не занимают первых мест и заранее знают, что не займут. Но они чрезвычайно тепло принимаются публикой и критикой, ибо их песни — заряд социальных эмоций, который не ласкает слуха, а ранит его, они — крик души и напоминание: оглянитесь — вокруг так много тревог и боли... Об этом песня Энцо Янначчи «Фотография». Она завоевала специальный приз музыкальной критики.

КТО ПОБЕЖДАЕТ = В САН-РЕМО

На нынешнем фестивале в Сан-Ремо оказалось приятной неожиданностью насыщение современной песни социальными мотивами. Пожалуй, добрая половина произведений главного конкурса — чемпионов — это проблематика, далекая от прогулок и вздыханий при луне. Любопытный факт — слово «любовь» встречалось в песнях на удивление редко, если иметь в виду итальянские песни. С другой стороны, налицо было падение зрительского интереса — последний, финальный вечер смотрели более 11 миллионов телезрителей. В прошлом году их было на три миллиона больше. Отчего? Только ли дело в затянутости концерта? Очевидно, большинство меломанов в Италии предпочитают все же слушать доморощенную песню с приятной мелодией. Это же факт, что многие из так называемых социальных песен были трудны для восприятия. Люди, слушая музыку, не очень-то хотят окунаться в трудные проблемы жизни, а, наоборот, стремятся хотя бы на время уйти от них.

Итак, лауреатами главного конкурса стали: Марко Мазини — третий призер (песня «Зачем ты это делаешь?»), рок-певец Ренато Дзеро — второе место (песня «Спиной к стене») и Риккардо Коччанте — один из самых любимых в Италии композиторов и певцов, завоевавший первую премию. Он и до этого поднял авторскую песню на достойную высоту, обрел широчайшую известность, огромную рать поклонников, но ни разу не выступал в Сан-Ремо. «Настоящее искусство, — считает Риккардо, — далеко от мерок, которыми измеряют песни на смотре в столице цветов». Коччанте всегда презирал коммерческий успех, и здесь его можно понять, хотя, наверное, можно и возразить — порой и в Сан-Ремо появлялись прекрасные песни.

Сейчас разрыв, по его мнению, стал менее драматичным. Что и позволило ему, хотя не без колебаний, принять участие в конкурсе. «Без риска, — как выразился Коччанте, — запятнать свою репутацию». Как бы то ни было, примирение состоялось, и фестиваль от этого только выиграл. Возможно, я ошибаюсь, но иначе присуждать первый приз кому-то другому было бы просто неприлично. Коччанте, как подчеркивали многие, выбрал из нового альбома не самую сложную песню, понимая, что, как бы ни хвалили произведение за содержание, победу все равно должна одержать песня, где мелодия на первом плане. Именно такой и была песня «Если мы вместе» — лирики в ней больше, чем гражданской проблематики, но ее пел Коччанте — один из самых талантливых музыкантов сегодняшней Италии.

Юрий ВЫБОРНОВ
г. Рим

ФЕСТИВАЛИ, КОНКУРСЫ

На одиннадцатой звуковой дорожке — песня «Мы — женщины» в исполнении Джо Скуилло и Сабрины Салерно, а также песня «Если мы вместе» в исполнении Риккардо Коччанте.

АЛЕН ШЕВАЛЬЕ

На афише, рядом с красавцем Шевалье, вы видите старого, лысого смеющегося человека. Это один из популярнейших во Франции писателей. Зовут его Фредерик Дар. Он создал огромную серию книжек (пока вышло 145), повествующих о приключениях комиссара Сан-Антонио — такой пародии на всех полицейских — хвастунов, грубиянов, ёрников и доморощенных философов. Причем этот тип выражается на придуманном Фредериком Даром языке — коктейле из врго, вывернутых наизнанку обычных слов, выражений на грани приличия, ругательств, и, исходя из очень специфической оценки классиков, я цитирую доблестного комиссара: «Когда у моего земляка, у Стендаля, в «Красном и черном» этот робкий скромничек Жюльен Сорель хватает под столом руку г-жи де Рейналь — простите, рзве это не порно высшего класса? Во мне просто все поднимается от восхищения!»

Полтора часа Ален Шевалье — один! — держит зал театра «Большой Эдгар» на Монпарнасе в плену остроумия и шуточек этого, по выражению самого Дара, «современного д'Артаньяна с языком торговца», иногда, по ходу действия, пускающего в ход кулаки своего коллеги и вышибалы Берю. Деталь пришла мне в голову, когда в Париже пришлось увидеть то, что происходило

В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

А там, на мостовых, — старых, революционных подмостках, — шли манифестации лицестов, разбуженной и протестующей молодежи. Они кричали лозунги против нищенских ассигнований на образование, против скудности в классах, где, кстати, участились случаи «детского терроризма» (чулок на голову для маскировки и с кулаками на учителя — мечь за отчисление из школы). Волны возмущения (с битьем стекол) докатывались до парламента, где достойные депутаты, поджав губы, допытывались, кто мальчишкам дал в руки мегафон, не манипулируют ли ими некоторые взрослые, и, ведя с юными парижанами теледебаты, власть поставила перед ними людей

План командировки в Париж «за театром и музыкой» развалился в первый же день. Конечно, мне хотелось начать ее с басовой ноты, взяв интервью у государственного министра Тьерри де Боссэ, одного из активных строителей общеевропейского дома, и особенно его этажей культуры, в том числе парижских. Встреча откладывалась, министр был занят, и я вспоминал, как мы впервые встретились с ним в Москве, на презентации русского издания журнала «Пари-матч», и как де Боссэ, прощаясь, сказал: «Буду рад продолжить беседу в Париже...» И так, пока «продолжение следует», но времени терять нельзя, и хорошо бы

ЗАБРОСИТЬ МИКРОФОН В БУРЛЯЩЕЕ МОРЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ПАРИЖА

Мне хотелось увидеть молодежь, ворвавшуюся на старые и новые сцены с той же победоносной неотвратимостью, с какой золотистая, прозрачная пирамида (знак времени!) опустилась, словно инопланетная тарелка, на ветхий двор Лувра. Короткая репортерская поездка создает момент вынужденной бедотни. Листаю «Парископ» — спасительный журнальчик, нечто вроде нашего «Досуга в Москве», мигающий бакен в театральном море. Плыть по фарватеру. В «Олимпиаде» — незнакомые ангелосаксы, в «Бастилии» вот-вот пойдет «Отелло» Верди с Пласидо Доминго, но премьеры пока нет, а есть концерт оркестра этого театра, ставшего теперь главной резиденцией национальной оперы (в «Гранд-опера» остался только балет), в программе — Гайдн, Прокофьев, их можно послушать и в Москве. Плыдем дальше, глаз цепляется за необычное — «Дракула-рок». Музыкальная комедия.

Добрый «Парископ» шепчет на ухо: «Страшный замок в туманах Трансильвании. Летучие мыши и паутина в углах. Твинственный владетель с леденящим кровью взглядом. Посреди ужаса врывается рок-музыка». Так. Но где же зловещая музыкальная паутина? Адрес: против дома 9 на набережной Малакэ. Что значит против дома? Оказывается, просто на реке, на Сене, в речном трамвайчике. Поставили внизу 60 стульев, повесили кусок материи вместо занавеса, и граф Дракула из «кровавого» романа Брэма Стокера (20 договорных рз на московских прилавках, извините, по вампирам мы с заграницей наравне) под ураганный рок гипнотизирует свои жертвы и со скрытым юмором, неизбежным у Нового моста, тянет из них гемоглобин. Кстати, рядом, на Сене, бакен был настоящий, а «Парископ» поддал мне еще один сигнал, и потому следующий персонаж зовется

На третьей звуковой дорожке вы услышите мозаику музыки театра. колоколов, песен и. наконец, говора Парижа, города-оркестра, как назвал его Гюго. В этом мозаике минута отдана вокальному квартету «Песня плюс» (певцы-виртуозы ансамбля — на крайнем левом фото).

ПОД КРЫШАМИ ТЕАТРАЛЬНОГО ПАРИЖА

СТОЛПЦЫ ПАРИЖА

со цитами и в касках, хорошо знакомых теперь и нам. Словом, вела себя, как всякая крутая власть даже по отношению к юным существам, почти даям. И вот тут душа моя была согрета зрелищем совершенно другого рода, встречей с замечательным композитором и певицей

АЛИС ДОНА

— Мадам Дона, силь ву пль...— Мадам Дона занята, она в школе...— В какой школе? — В «Олимпии»... Школа в «Олимпии». Это что-то новое. Я пришел в знакомый служебный вход во дворе на улице Комартен, поднялся в фойе и на сцену, которая, как говорил Азнавур, всегда пахла духами магии и тайны, и через минуту очутился в полутемной бывшей бильярдной — комнате с баром и старинными гравюрами. Вокруг высокой, светловолосой, с повелительными жестами Дона (шуба на плечах, сигарета, нервный треск зажигалки) собралось человек 20 девушек и парней, жужжащих, как пчелы. Дона жестом предложила мне место рядом с ней, за столом. Откинув со лба прядь волос, она объяснила: «Это наша эстрадная школа. Директор «Олимпии» Жан-Мишель Борис позволил нам заниматься здесь. Символика важна для юных. Введь наш Олимп — «Олимпия»».

Ученики стали показывать приготовленные номера. Некоторым предстоял экзамен на ввод в мюзикл «Отверженные» в одном из театров, и они пели песенки героев спектакля.

— Посмотрите, — сказал Дона, — вот ту, маленькую, зовут Фабьенной, похожа на Козетту, правда? Она приехала к нам с юга. Фабьенна, прошу тебя, выдерживай нотку — ты знаешь какую — до конца... Будь добра, еще раз...

В бюро «Олимпии» мне порекомендовали посмотреть и послушать молодежную оперу, показывающую спектакли во дворце-музее, который в Париже сокращенно зовется

«МОНЕТЫ И МЕДАЛИ»

Еще в давние студенческие времена знаменитый географ Иаан Александрович Витвер, притащив к нам на семинар «План Парижа с птичьего полета», пояснил: «А вот на месте знаменитой Нельской башни, откуда

в Сену сбрасывали якобы убитых любовников королевы Маргариты, Жанны и Бланш, находится Музей Монет и медалей...»

Пути человека неисповедимы, и вот, Бог знает, через сколько лет, попадаю в этот самый музей, и тут, в Салон для приемов, идет опера «Маскарад». Она «собрана» из арий Вивальди, Телемана, д'Оверня по мотивам мемуаров Казановы. Этот молодежный театр называется «Компани Домас — Дово». Когда худенький, изящный Кристиан Домас — директор труппы и его жена — решительная и властная Коринна Дово — танцовщица показали своих блестящих певцов и музыкантов главе музейного ведомства «Монет и медалей» Патрису Каару, тот сказал: «Вы ставите старинные оперы, и вам негде петь. Может быть, вам подойдет Салон для приемов в этом дворце? Подумайте, — добавил Каар, смеясь, — нужны ли вам декорации, дом построен в XVIII веке...»

Да, подумал я, вот это отношение к культуре без бюрократии. Оно было точно таким же, какое продемонстрировал импресарио

ЖЕРАР МЕЙС

Дело в том, что для французских певцов сценическая эпоха уходит в прошлое. Теперь между гастролями зачастую проходят не месяцы, а годы. Пластинки, телевидение отодвинули сцену.

Как спасти слова и музыку в живом театре от исчезновения? Это попытался сделать импресарио Жерар Мейс. Он взялся проводить в департаменте Валь де Марн, под Парижем, ежегодные фестивали французской песни. Их было уже четыре. Итог последнего — 120 концертов в 18 городах. Это настоящий предпринимательский подвиг, тем более что никакой дотации от государства фестиваль не получает. Только инициатива организаторов, поддержка департамента и ответное «да» артистов. Весь цвет нынешней эстрады откликнулся на призыв Мейса. Приехали все: «старики» Беко, Ферра, Мустаки, среднее поколение — Вероник Сансон, Лакур, новые блестящие ансамбли «Песня плюс» и «Зануды» (побольше бы таких зауд...). Но неутомимый Мейс бросил семена песенной лихорадки и в школы: «Пусть дети сами сочинят слова и музыку, а потом споют свои песни!»

«Мы трудились, как муравьи, — рассказывал Мейс. — Все гармонизовать, собрать песни в спектакль, отпетировать. 4 месяца сумасшедшей работы. Но зато на концерте я смотрел на плачущих от счастья родителей и плакал сам...»

Между прочим, Мейс посмотрел мой план и поставил крестик против спектакля

«СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК»

Театр Марины, в главной роли — Сирано — Жан-Поль Бельмондо. Постановщик — Робер Оссейн. Удар Оссейн нанес сразу. Он ввел лейтмотив из Грига. Он взял «Смерть Озе» и перенес ее во Францию XVII века. Я показываю этот момент на пластинке. В театре удалось услышать подлинный голос Бельмондо (в кино он часто занят переводом или искажением) — чудесный глубокий бас. Режиссер предложил ему сыграть Сирано несколько лет назад. Жан-Поль попросил «чего-нибудь полегче». Оссейн дал ему пьесу Сартра «Кин». Тот согласился, не подозревая, что «Кин» труднее «Сирано». После такой «тренировки» Бельмондо справился с Сирано блестяще. Сейчас спектакль «поехал» по миру. И Оссейн, и Бельмондо мечтают показать пьесу у нас. И тут подоспела пора сказать о том интервью с министром де Боссэ, которое наконец, «под занавес» лоздки, состоялось. И так,

ТЬЕРРИ ДЕ БОССЭ

Он принял меня во дворце Орсе, в министерстве иностранных дел. Мы заговорили о возможном путешествии «Сирано» в нашу страну, об обмене театрами — важнейшем кирпичике постройки общеевропейского дома и его культуры. Я протянул ему «Кругозор» и сказал: «Вот наше полв битвы. На одной из таких пластинок мы покажем отпечаток Парижа, его культуры». Де Боссэ рассматривал с интересом журнал, потом сказал: «Мне подходит суть высказывания — журнал как полв битвы. Битвы за культуру, за знакомство. Европа едина. Разве Францию можно объяснить только Францией, а СССР только СССР? Разве Кафка, Достоевский и Саган не принадлежат всей Европе? Культура — цветок на стебле истории, и-он украшает путь всякого народа. Давайте обмениваться этими волшебнымицветами».

Артем ГАЛЬПЕРИН

Париж — Москва

Фото М. СЕРДЮКОВА
и автора

Шлем, да панцирь, да седло,
Бинт, бальзам, примочка...
Есть такое ремесло —
Рыцарь-одиночка.

Юлий Ким

Ярко-синее зимнее небо. Празднично-белый снег, аппетитно хрустящий под ногами. Коренастые, низкорослые березы и липы, прочно обосновавшиеся в неглубоких сугробах по обочинам. Неброские, но аккуратные кирпичные дома. Город Миасс, Челябинская область.

Нескончаемая скользкая лента, убегающая за горизонт, — проспект Макеева, бывший Чернышевского. Серая краюшка многоподъездного пятиэтажного дома. В одном из окошек первого этажа стоит на подоконнике Дон Кихот — с тазиком на голове, в одной руке мешок, в другой — кинокамера. Но смотрит он не на меня, а куда-то в глубь комнаты. Он из проволоки и меди.

Еще минута — и я войду в эту комнату и познакомлюсь с ее хозяином, владельцем Дон Кихота, хитрым и идеальным Леонидом Леонидовичем Оболенским.

Бесшабашным странствующим рыцарем в красноармейской шинели, худым и глазастым ворвался он в кинематограф и служит ему, как Дульсинее, вот уже восьмой десяток лет. Недавний пермский гимназист, военкор «Красного Октября», приехал он в Москву за фильмами для бойцов третьей армии. Встретился там с Львом Кулешовым, недавним своим фронтовым знакомым. И завертелось...

Показывали его в киношколе самому Гардину. Владимир Ростиславович попросил его пройтись. Кожей ощущая на себе изучающий взгляд известного режиссера, обычно ловкий и пластичный, Оболенский сжался и двинул по комнате походкой свежеструганного Буратино. Но Гардин не был бы Гардиным, если бы тут же поставил на нем крест. «Вы знаете, я вон там, на подоконнике, портсигар оставил. Будьте любезны, голубчик, принесите-ка его». «Мухой» слетал Оболенский до подоконника и обратно к Гардину, а тот смеется: «Вот это другое дело. Годится».

Гардин тогда не ошибся: Оболенский пригласился кинематографу, причем в самых разных ипостасях. Уже в двадцатом году — всего через несколько месяцев после этой гардинской «резюляции» — Оболенский решительно шагнул на «большой экран». Это была кулешовская картина «На красном фронте». «Дрался там на крыше вагона с Сашкой Рейхом, который диверсанта играл. — вспоминает Оболенский, — а я был красноармейцем и его ловил». Это был, если не ошибаюсь, первый и последний

красноармеец в его экранной жизни.

В фильмах Кулешова и кулешовцев — Пудовкина, Барнета — он играл всяких ловких проходимцев (в большинстве своем иностранцев) или белых офицеров. С двадцать пятого года начал снимать фильмы сам, а в двадцать девятом Оболенский уезжает в Германию подучиться новому делу в кино: режиссерской работе со звуком, а заодно закупить там звуковую аппаратуру. Вернувшись на родину, Оболенский весьма продуктивно работает как звукооператор и преподает режиссерское искусство во ВГИКе, в мастерской Сергея Эйзенштейна. И даже после того, как долгосрочная командировка в Туркмению завершается для него тюремной камерой (на дворе тридцать седьмой), продолжается — в переписке — совместная работа Эйзенштейна и Оболенского над учебником кинорежиссуры...

Где он только не побывал, чем не занимался: оформлял зал для заседаний «в екатерининском стиле» некоему обкомовскому деятелю и туалет «под мрамор» начальнику рудоуправления города Минусинска; принимал обет послушания у Кишиневско-Молдавского архиепископа, не одну «специальность» освоил в немецком плену — от автоэлектрика до конюха; в своем уже, советском, лагере строил дорогу Котлас — Воркута и ставил «Холопку» по присланной Эйзенштейном разработке, потом снимал кино на свердловском «научлопе», на челябинском телевидении работал вторым режиссером, фотокружком руководил в Миассе...

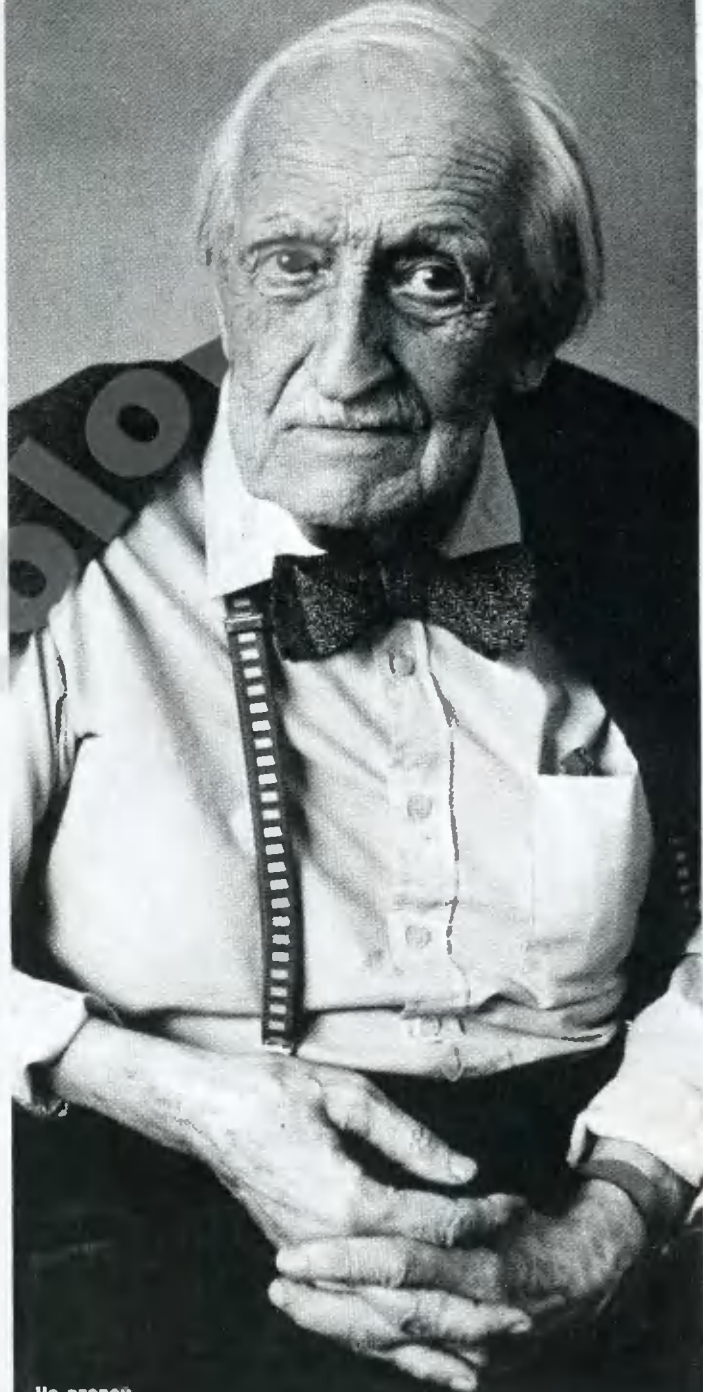
В 1972-м снова начал сниматься — кино не могло о нем не вспомнить. Много предлагали ролей, похожих одна на другую, и это вполне понятно: Оболенскому на роду написано играть представителей «высшего света». Но, обладая безупречным вкусом, Оболенский сумел составить из своих киноролей букет яркий и разнообразный: тут и литовский крестьянин («Факт»), и русский князь-эмигрант («Вид на жительство»), и английский лорд («Чисто английское убийство»), и инопланетянин («Молчание доктора Ивенса»), и магистр Мальтийского ордена («Ларец Марии Медичи»), и очаровательный дедушка в картине «На исходе лета», и епископ в «Красном и черном» Сергея Герасимова...

Многое из того, что уже рассказывал, я знал о нем, когда топтался у подъездной двери. Знал для себя и то, что личное знакомство с человеком, которого давно знаешь и любишь заочно, чаще всего обрачивается впоследствии холодком некоторого разочарования, ибо о достоинствах его ты хорошо осведомлен, а неизбежные человеческие слабости всегда неожиданны.

ДОН КИХОТ ЖИВЕТ В МИАССЕ

2

ВСТРЕЧИ
С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ

На второй звуковой дорожке рассказывает и размышляет Леонид Оболенский.

Обаяние Оболенского окутывает. Прямо с порога попадаешь в уютный, теплый кокон. Слушаешь бесконечные истории и смотришь, не отрываясь, в огромные блестящие глаза на темном точном лице. Морщин — великое множество, и они лишь подчеркивают красоту лица. Их изгибы и пересечения воспринимаешь как проекцию всего пройденного и пережитого, тысячи извилистых дорог, множества встреч — счастливых и жутких, случайных и судьбоносных...

В калейдоскопе остроумных рассказов-воспоминаний «набор» персонажей парадоксален: с Эйзенштейном и Бабелем, Голейзовским и Мейерхольдом, Платоновым и Гроссманом, Александровым и Орловой «соседствуют» конвоир немецкого лагеря, следовательно НКВД, «вертухай» и убийца-мокрушник... Все эти люди, как правило, блистательно изображаются Оболенским «в лицах». Сам он в своих рассказах выступает чаще всего таким веселым простаком, одинаково легко принимающим от жизни и приятели, и подзатыльники, но я-то помню, что писал о нем Виктор Шкловский — он называл Оболенского «одним из образованнейших людей нашего времени». Это он про «того» писал, тридцатилетнего; меня же интеллект Оболенского сегодняшнего вообще заставил задуматься о безграничности человеческих возможностей. Он ведь не просто сидит и вспоминает, где был, кого видел: элементы мемуаров и рассуждения о дне сегодняшнем, уморительные хохмы и философские размышления, устные эссе на религиозные темы и лихие куплеты, что пел когда-то в эстрадном театре «Кривой Джимми». — все строго дозировано, переход от одного жанра к другому органичен: никакого нажима, ни малейшей натяжки. Секрет великого рассказчика.

И — музыка. Он умеет ее рассказывать. Пожурчит недолго мягкий баритон, взмоют в главном пируете длинные прозрачные кисти рук — и вот он, образ, плывет по пронзительно-синей вечерней комнате. От него — к тебе. Так он устроен, он — импрессионист. А еще точнее — копилка образов. Они населяют его самого и все, что его окружает.

Когда о нем говоришь, начинать нужно с образа — по-другому нельзя, характер Оболенского я бы описывать не взялся. Не зря ему медного Дон Кихота подарили, и не зря я об этой фигурке вспомнил. Они похожи, Дон Кихот и Оболенский, они родственники.

При абсолютном единстве жизненных устремлений — творить добро и будить в людях сочувствие — средства противоположны диаметрально. Оболенский, бесспорно, Рыцарь, но уже никак не Печального Образа. Большого

оптимизма я в жизни не встречал и, думаю, не встречу.

«Я», — говорит, — с некоторых пор вместо звуков слышу просто аморфный шум — это прекрасно! Я уже за свою жизнь такого наслаждался — хватит. Теперь слушаю лишь то, что хочу услышать — что может быть лучше? Иногда — сам, иногда вот уши механические надеваю».

Всю жизнь — бегом, бегом, сам себе Росинант. На девятом десятке добежался — перелом шейки бедра. Бежал на какое-то собрание — озеро Тургояк от загрязнения спасать. Поскользнулся. «Это Бог мне дал понять: не лезь, Ленка, без тебя спасут. Ладно, дела еще найдутся». Бедро болит, который год не срастается — Оболенский бодр и весел: «Итак, Леха Оболенский ходить не может, сниматься больше не будет — сдаваться надо? Нет, не сдамся!» Ставит себе новую задачу — помогать «юным друзьям» и «вспоминать, как все было» — жизнь-то витками идет, даст Бог, кому согдится. А вспомнить, сами понимаете, есть о чем...

«Мои религиозные убеждения — Федоров, Соловьев, Сергей Булгаков. Немного — Бердяев. И еще академик Вернадский. Теория неэнтропийного биополя. Вернадский убежден, что человек еще не последняя фаза развития цивилизации. За этой жизнью есть какая-то еще сверхжизнь. А одна из максимум Евангелия: «Не все умрем, все переменимся». Скоро, я думаю, мне представится случай это проверить. Посмотрим. Что, звучит оптимистично? Так в 89 трудно не быть оптимистом».

Он не штурмует ветряных мельниц — миражи ему взор не туманят, он фантазер, но на земле стоит уверенно. Вообще ни с кем не оюет — делает ту работу, которую считает своей, и делает так, как находит нужным.

Такой вот неунывающий рыцарь. Потому он и не зачат в цвете лет, как Дон Кихот, хотя поводов было предостаточно: он всегда при деле, он нужен, он приносит пользу и по сей день выполняет обет, данный полвека назад: творить добро и будить сочувствие.

...Вечер уже разлил свои тягучие чернила по миасскому небу, потушив закат, — догорает лишь нежно-розовая кромка у самого горизонта. Дома за окном давно потеряли цвет и скоро утратят контур, а мне мучительно не хочется уходить. Встаю и прощаюсь решительно и обреченно, точно разгоняя остатки сна. На морозе закуреваю по дороге в гостилицу и думаю, дитя соцреализма и урожденный атеист: «Не иначе сам Бог подарил мне эту встречу».

Владимир МАРТЫНОВ

Фото А. УШКОВА

Под таким названием издательство «Росмузформ» СК СССР выпустило сборник, под обложкой которого собраны короткие юмористические рассказы, шутки, анекдоты, афоризмы, поговорки. Молва приписывает их авторство чаще всего композиторам, певцам, музыкантам. Но скорее подлинный автор — человеческая память, сохранившая для нас блеск тонкого ума, юмор и способность к шутке людей искусства. Известно, что даже в трудные минуты жизни их не покидает чувство юмора.

Можно предвидеть, что интерес к этому сборнику будет широким. Учитывая, что тираж его сравнительно небольшой, мы предлагаем нашим читателям познакомиться с некоторыми его страницами.

ПОД СИЛУ ТАЛАНТУ. Французского композитора Жана Филиппа Рамо упрекнули в том, что для создания своих опер он обращается к услугам посредственного либреттиста.

— Дайте мне официальный протокол, и я сделаю из него оперу, — усмехнулся композитор.

БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК. Один богатый и знатный вельможа написал оперу и показал ее Христофору Виллибальду Глюку.

— Ну, что ж, сударь, — сказал Глюк, ознакомившись с партитурой, — опера недурна, но для того, чтобы она была совершенной, вам недостает бедности.

СТОИТ ЛИШЬ НАЧАТЬ. Когда юный Моцарт в семилетнем возрасте давал концерты во Франкфурте-на-Майне, к нему подошел мальчик лет четырнадцати.

— Как замечательно ты играешь! Мне никогда так не научился.

— Отчего же? Ты ведь совсем большой. Попробуй, а если не получится, начни писать ноты.

— Да я пишу... Стихи...

— Это ведь тоже очень интересно. Писать хорошие стихи, впрочем, еще труднее, чем писать музыку.

— Отчего же, совсем легко. Ты попробуй...

Собеседником Вольфганга Моцарта был Вольфганг Гете.

МУЗЫКАНТЫ ШУТЯТ

ДОБРЫЙ СОВЕТ. Один юноша спросил Моцарта, как писать симфонию.

— Вы еще слишком молоды. Почему бы вам не начать с баллад? — сказал композитор.

Юноша возразил:

— Но ведь вы же начали писать симфонию, когда вам еще не исполнилось десяти лет!

— Да, — ответил Моцарт, — но я никого не расспрашивал, как их следует писать!

НЕПОЛНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ. Приятель Россини рассказал как-то знаменитому композитору о том, что один его знакомый собрал коллекцию орудий пыток всех времен и народов.

— А было в этой коллекции фортепьяно? — поинтересовался Россини.

— Конечно, нет.

— Значит, в детстве он не учился музыке...

ДЕБЮТ ШОПЕНА. Когда Фридерик Шопен, будучи еще ребенком, должен был впервые участвовать в публичном концерте, его долго и тщательно одевали, давали массу советов, как надо себя вести, чтобы не нарушить торжественной обстановки. После концерта, когда мальчика дома расспрашивали, что больше всего понравилось публике, он с гордостью ответил: — Мой белый воротничок!

ЗВОЛУЦИЯ ВЗГЛЯДОВ. Шарль Гуно как-то разговаривал с молодым композитором. Автор «Фауста» задумчиво произнес: — Чем дальше мы продвигаемся в нашем искусстве, тем больше ценим своих предшественников. Будучи в вашем возрасте, я говорил о себе: «Я». Двадцати пяти лет говорил: «Я и Моцарт». В сорок лет: «Моцарт и Я». А теперь говорю тихонько: «Моцарт».

ЧУЖОЙ УСПЕХ. Один молодой композитор сыграл как-то Иоганну Штраусу свою новую балладу.

— Прекрасная вещь! — сказал Штраус. — Вот только некоторые места напоминают Моцарта.

— Ничего, это не помешает! — гордо ответил композитор. — Моцарта всегда слушают охотно...

ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ. Один банкир представил певице Патти свою четырнадцатилетнюю дочь и заверил, что в девочке дремлет настоящий талант.

— Тихо, ради Бога, не разбудите его! — попросила Патти.

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ. — Играет ли оркестр по заявкам публики? — спросил Бернард Шоу у дирижера шумного ресторанного оркестра.

— Конечно, сэр.

— Отлично. В таком случае попросите его сыграть в домино.

Немецкий философ Фридрих Ницше некогда обронил глубокую мысль: «Искусство существует для того, чтобы помешать нам умереть от правды». Эту мысль по достоинству оцениваешь, когда наблюдаешь в детективах бесконечные убийства, буквально глоснешь от автоматной и пистолетной пальбы, но при этом чувствуешь, что тебе ничуть не страшно и никого особенно не жаль.

И, однако, все мы любим детективы. Любим за острый сюжет, за бескомпромиссное противостояние добра и зла, силу и мужество героев, непредсказуемость финала, а больше, пожалуй, за то, что в детективе чаще всего находят оправдание наша извечная надежда на победу добра и справедливости.

Минувало ровно 90 лет с того времени, когда на экраны вышла замеченная зрителями, а затем и киноведами одна из первых детективных лент — «История одного преступления». С тех пор этот жанр стал популярнейшим, и кинодетективов явилось великое множество. Сейчас, кажется, чуть ли не каждая вторая картина — криминальная история.

Как и всякая кинопродукция, детективы бывают разные — содержательные и пустоватые, умные и глупые, интересные и скучные. Но главное, они отличаются друг от друга своей как бы сверхзадачей, то есть тем, ради чего затеяна была игра. Одни авторы привержены жанру в его, так сказать, чистом виде. Они признают только головоломную историю, которой надлежит сразу, с первых же кадров картины, захватить зрительское внимание и удерживать его до конца, не отвлекаясь ни на какие социальные и иные проблемы. Другие художники, наоборот, стремятся использовать все наиболее привлекательные стороны таких лент прежде всего для того, чтобы сказать зрителям некую важную, с их точки зрения, правду о самой жизни.

Не так давно мне удалось познакомиться с крепко сколоченным образцом детективного жанра — американским фильмом «Неистовый». История незамысловата и в общем малооригинальна. Доктор приехал с женой в Париж, чтобы принять участие в научной конференции. Но сделать это не удалось: таинственно исчезла его жена. Два часа экранного времени доктор ищет жену, попадая порой в опасные ситуации. А чтобы мы, попрыгав к опасностям, не заскучили, в криминальную историю введен еще один персонаж — милостивая молодая особа. Теперь доктор ищет жену вместе с ней. В общем все заканчивается благо-

получно, как и полагается в классическом детективе, — доктор и его жена снова вместе.

Итак, мы немножко поволновались, немножко погрустили по поводу гибели пикантной спутницы доктора и попутно узнали, что кроме контрабанды наркотиками есть еще и контрабанда техническими секретами.

Кто-то скажет: маловато. Но это ведь кому как. Не сомневаюсь, что у многих такое зрелище способно вызвать неподдельный интерес.

Многие наши читатели видели американский фильм «Окно спальни». Действие этого детектива, пожалуй, еще более напряженное. Но нет загадок — известны преступник, и его жертвы. Еще французский энциклопедист Дени Дидро жаловал подобную тайну в литературе: читатели в отличие от героев все знают. Однако в принципе это все та же игра: вы внимательно следите за тем, как положительный герой преодолевает все искусно расставленные сценаристом преграды, пока на преступника не наденут наконец наручники. Что, разумеется, и происходит в финале.

Среди западных картин, основанных на криминальном материале, хочется отметить и своего рода гибриды, где смешаны, например, элементы комедии и детектива. Они пользуются неизменным успехом у зрителей, особенно молодых. В нашем прокате был один из таких фильмов — «Замужем за мафией». История борьбы с мафией приобретает в этой ленте ироническую, а точнее, гротесковую окраску. Множество веселых и нелепых ситуаций отодвигают на второй план собственно детективную интригу. Пародируется поведение и мафиози, и воителей из ФБР.

Перечень подобных западных детективов и близких им по жанру картин можно, как говорится, приумножить. Но, остановившись, добавим лишь, что среди фильмов этого толка встречаются работы прямо-таки мастерские по режиссерскому и актерскому исполнению. Например, фильм голландских кинематографистов «Исчезновение». Это криминальная история, центральный персонаж которой — своего рода двуликий Янус — примерный семьянин и жестокий маньяк, убивающий свои жертвы по причинам... Впрочем, причины так и остаются неясными. Маньяк, он и есть маньяк.

Мода да и коммерческий интерес делают детективы подобного рода желанными на экране. Кинообъединение «Лентелефильм» выпустило ленту «В ожидании Элизабет». Это претендующая на занимательность игра со зрителем, которому надлежит отгадать, кто убийца. Сделать это невозможно

«Окно спальни»

«Замужем за мафией»

«Сатана»

«Палач»

Съемки в павильоне

И стараться не стоит. Авторы, видимо, понимали это и потому в финале долго и подробно объясняют, как было дело и кто истинный преступник.

Мы подошли к тому моменту разговора, когда требуется открыть читателю наше отношение — нет, не к каждому фильму в отдельности, а к направлению в целом, если можно выразиться точнее, к развлекательному детективу.

Он пользуется широкой популярностью у большей части зрительской аудитории. Может быть, даже у подавляющей части, особенно у молодежи, — ужв одно это обстоятельство не позволяет пренебречь сей разновидностью детектива. Но хочется сказать больше. Признаем ведь мы право на существование, полезность существования самых разных развлечений, в том числе, например, спортивных состязаний, которые, строго говоря, не делают нас ни умнее, ни добрее. Они позволяют (конечно, тем, кто к тому расположен, — ведь и спортивные состязания далеко не все жалуют) интересно, увлеченно провести время, отдохнуть час-другой, отвлечься от груза забот и хлопот.

Однако, согласившись с этим, не забудем о том, что существует и другое направление в кино, которое довольно успешно развивалось в нашей стране. Наиболее характерным примером может служить телесериал Ст. Говорухина «Место встречи изменить нельзя». Это направление не исчезло. А в последнее время включает ряд интересных работ. Одна из них — фильм «Клец».

Фильм привлекает хорошим актерским исполнением роли главного героя — сыщика. Перед нами поистине идеальный герой, рыцарь без страха и упрека. Прекрасно исполняются авторами все сильные стороны жанра. Однако главное достоинство фильма — в успешно решаемой сверхзадаче, о которой шла речь в самом начале разговора. Авторы крупным планом, конкретно показывают нам мафию, ее тесную связь с коррумпированными элементами из правоохранительных органов, ее силу, перед которой оказывается бессилем и идеальный герой.

Близка по теме, хотя и иная по стилю и режиссерской манере картина Искандера Хамраева «Адвокат». Совершено убийство. Возвращенная вседозволенностью и полной беззаконностью, местная милиция, дабы спасти лицо, обвиняет в убийстве ни в чем не повинного парня. Лишь чудо в образе молодого адвоката из Москвы спасает невинного человека от смертного приговора. Казалось бы, возторжествовала справедливость. Однако финал картины таков, что нет ни малейшей надежды на спра-

ведливость следствия и суда в будущем.

Жестокость, бесчеловечность пугающе смотрят на нас в образе «сатаны» — молодого человека недурной наружности — «героя» фильма «Сатана» Виктора Аристова. Он заставляет еще раз задаться вопросом: как появились эти люди, как возникла эта страшная патология молодой души?

Серьезнейшая мысль о непоправимости мести, о том, что поступок этот бумерангом возвращается, каким бы оправданным он ни казался, присутствует в фильме «Палач» Виктора Сергеева. И за одно это нельзя не быть благодарным ему и всем создателям картины, хотя она и не бесспорна в художественном отношении.

Все названные фильмы детективного характера затрагивают болезненные точки нашего тревожного и неустroенного существования. Смотришь их с интересом, нередко с волнением, но они не развлекают. Они заставляют задуматься, они толкают к поступку, действию. У них своя, иная, чем у картин, упомянутых в первой части разговора, сверхзадача.

Каков же итог нашей беседы? Фильм-развлечение имеет безусловное право на существование, на заинтересованное внимание зрителей. Многих зрителей. Но при этом не надо искать в таком детективе того, чего не может да и не должно в нем быть. И в то же время не надо ломать копыла, доказывая, будто значение этих картин выходит за рамки занятого зрелища. Это — первое.

Второе. Отдадим должное тем детективным фильмам, которые несут в себе социально важную мысль, показывают обществу, какое оно есть, со всеми его болями и злочлочениями, в том числе и теми, которые, увы, не дают спокойно уснуть. И будем вдвойне благодарны их авторам тогда, когда серьезная идея находит увлекательную форму выражения.

О вкусах вопреки распространенному мнению спорить, конечно, можно. Хотя дело это, как правило, малопродуктивное. Вместе с тем автор, стараясь быть объективным в суждениях, обязан все же сказать, что ему лично ближе. Ответу: детектив, в котором мысль не пустычна, мне интереснее. В ряду прочих я всегда отдаю ему предпочтение. А вы?

Илья КАЦЕВ,
кинокритик

Фото И. ГНЕВАШЕВА

КИНО
О ЧЕМ СПОРЯТ...

Давно уже в Мариинском театре не было такого аншлага. В тот вечер, 3 марта 1906 года, партер, ложи, галерка были до отказа заполнены публикой. С нетерпением ждали членое императорской фамилии, давно не посещавших театр «ввиду смутного времени». Но то был день особенный: в Мариинском театре поет божественная Варя Панина.

И еот в неизменном черном платье, сопровождаемая двумя гитаристами, певица вышла на сцену. Театр загремел рукоплесканиями. Артистка слегка поклонилась публике направо, налево, а ниже, в особицу, в сторону царской ложи. Затем незаметным жестом дала знак аккомпаниаторам. После небольшого гитарного перебора, гася общий шум, сначала совсем тихо, потом все мощнее и раздольнее до самого верхнего яруса понесся низкий, грудной голос певицы. Один романс сменял другой: «Я помню вечер», «Дышала ночь восторгом сладострастья» («Уголок»), «Утро туманное», «Не уходи, побудь со мною», «О, позабудь бывшие увлечения»... Шквал аплодисментов долго не утихал после исполнения «Нищей» А. Алябьева — настолько образ нищей, еще недавно блистательной актрисы, ее судьба, с глубокой искренностью и сочувствием переданные Варей Паниной, тронули сердца пресыщенной петербургской публики.

В антракте перед артистической комнатой Вари Паниной толпа восторженных поклонников, в основном молодежь, с корзинами цветов загородила проход. Но вдруг все, как по команде, расступились. Теляковский, директор театра, до этого с трудом сдерживавший напор почитателей таланта артистки, отступил от двери, пропуская офицера с громадной корзиной свежих роз. Кругом зашептали: «Начальник царского конвоя, князь Юрий Иванович Долгорукий...» Интересно, цветы от великих княгинь или самого императора? Но особого удивления публика не высказывала: ведь в России в то время не было более знаменитой певицы, чем Варя Панина. Если только не брать в расчет растущую изо дня в день популярность Вяльцевой и Плевцкой и славу даже такого уже сложившегося мастера оперной сцены, как Шаляпин. Кстати, Федор Иванович Шаляпин часто вспоминал такой эпизод из своей жизни.

— Ты слышишь, — жаловался он художнику Сероу, — Косте Корвину, видишь ли, не нравится, что я пою. Плохо пою. А кто же, позвольте вас спросить, поет лучше меня?

ВАРЯ ПАНИНА- ЧЕРЕЗ 80 ЛЕТ

На четвертой звуковой дорожке Варя Панина поет романс «Я поиню вечер» (Яков Пригожий), русскую народную песню «Коробейники» и цыганский романс «Хочу веселья». Запись 1905 года.

4

В КОЛЛЕКЦИИ
РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

— А вот есть. Цыганка одна поет лучше тебя.

— Какая цыганка?

— Варя Панина. Поет замечательно. И голос дивный.

— Это какая же, Константин Алексеевич, Варя Панина?

— В «Стрельне» поет. За пятерку поет. И поет как надо...

В этой шутке в общем-то была изрядная доля правды. Ценители пения Вари Паниной считали, что наибольшее впечатление она производила не в концертных залах, а в небольших уютных кабинетах загородных ресторанов. Там ей равных не было.

Варвара Васильевна Панина (Васильева) родилась в 1872 году в семье мелкого торговца — цыгана. Четырнадцатилетней девочкой она попала в популярный цыганский хор при московском ресторане «Стрельна». Позже, выйдя замуж за хориста Панина, певица пе-

решла в не менее знаменитый ресторан «Яр», где более десяти лет успешно выступала как солистка цыганского хора. Лишь в начале девяностых Варя Панина наконец-то решилась покинуть ресторанные подмостки и с двумя гитаристами, прекрасными аккомпаниаторами Константином Васильевым и Николаем Шишкиным, начала концертную деятельность по всей стране, часто выступала в обеих столицах. Но слава артистки особенно стремительно покатила по городам и весям России после выпуска первой же партии ее грампластинок.

Пожалуй, не было ни одного дома, ни одного трактира или солдатской казармы, где бы не звучал из граммофонной трубы голос популярной певицы. Любимую артистку слушали затеив дыхание. Портреты Вари Паниной украшали модные салоны столичных чиновников и купцов. Фотография артистки красовалась даже в роскошном кабинете петербургского головы Шубина-Поздеева. По свидетельству очевидцев Лев Николаевич Толстой не любил граммофон. Но однажды при нем «завели» пластинку Вари Паниной — Толстой вдруг задумался, глаза его увлажнились. Такова была власть певицы, владелицы магии понимания человеческого сердца, неискажаемой искренностью исполнения. Как тут не вспомнить мудрого Тютчева: «И нам сочувствие дается, как нам дается благодать...»

Любили искусство выдающейся цыганки А. Куприн, А. Чехов, и как донесла до нас история, в свое время послушать Варю, оказывается, был не прочь Петр Ильич Чайковский.

Умерла Варя Панина 10 июня 1911 года. Мать четверых детей ушла из жизни в 39 лет от тяжелой болезни сердца. На панихиде присутствовали артисты, писатели, художники, офицеры и студенты, представители московской знати и купечества. Позади похоронной процессии до самого Ваганькова печально двигались повозки с цыганами. Они горько оплакивали свою знаменитую соплеменницу. На могиле Вари Паниной и сейчас нередко появляются живые цветы. Люди не забывают почтить память выдающейся артистки.

К счастью, время донесло до нас десятки ее грамзаписей. И спустя восемьдесят лет старые, шипящие пластинки начала века все-таки сохранили нам одно из ярких музыкальных явлений нашего столетия — голос божественной Вари Паниной.

Владимир ЗАЙКА

Все началось с названия. Сергею Березину, родившемуся в столице, дорого все московское. И призрак будущей группы «Нескучный сад» уже давно следовал за ним по пятам. Такое название нравилось многим из тех, с кем Березин советовался. Но часто он слышал, что оно же чисто московское, а популярность важна не только в Москве. На что Сергей отвечал: «А что, если это просто сад, в котором не бывает скучно? Такие есть в любом городе».

Значит, с названием все ясно. Но надо было что-нибудь придумать, чтобы отличаться от многочисленных, постоянно возникающих групп. Чтобы, посмотрев на экран или услышав по радио, сразу без ошибки узнавали. А вот это уже потруднее. Солист нашелся скоро — симпатичный, кудрявый — такие завоевывают сердца девчонок в мгновение ока. И голос модный — теплый, низковатый, ни на кого не похожий. Имя и фамилия вполне для сцены — Борис Осокин. Потом определились и другие музыканты. Осталось дело за репертуаром.

Березин к выбору песен подходил строго: если они не ложатся ему на душу, отвергает или переделывает беспощадно. И так, давайте мысленно побываем на концерте «Нескучного сада» и послушаем, о чем же они поют.

«В темноте нашел я тапки...» — начинается Осокин. Зал сразу включается, и уже к припеву, оконча-

тельно разогревшись, все вместе озорно поют: «Бабки, бабки, бабки, бабульки...» Зал-то знает, что это только сначала кажется, будто речь идет о деньгах, нареченных в народе «бабками», а на самом-то деле действующие лица песни — взаимправдашние бабки, бабульки, взбунтовавшиеся против извечных забот и подавшиеся отдохнуть на юг. Песня-перевертыш. И сколько раз ее ни пой, всегда в конце трудно сдержать улыбку.

Это только начало, а потом на сцене вроде и не Осокин, а «черноглазый, жаркий атаман». И откуда взявшиеся цыганки кружат вокруг него и гадают «на любовь». А зал скандирует: «В нашей жизни поровну радостей и бед». Потом атаман превращается в героя современного романа, всех девушек он называет Люся и всем предлагает: «Давайте, Люся, потанцуем». И девушки в зале, смущаясь, танцуют вместе с ним, надолго, видимо, сохранив в памяти эти минуты. Только не подумайте, что содержание песен далеко от сегодняшних проблем и тревог; все они — переключки между вчерашним и сегодняшним днем.

Например, самая новая песня в репертуаре — «Трактор на Пятницкой». Возникает воображаемая картинка изпановской Москвы. Если бы не продолжительность песни, то действие могло бы перерасти в целую повесть. Гуляет разномастный, разносортный москов-

Впервые в «Крутозоре»

На девятой звуковой дорожке — драматичные песни С. Березина и Л. Рубальской «Трактор на Пятницкой» и «Люся». Поет группа «Нескучный сад».

кий люд. И перечисляются яства, стоящие на столах трактира. Но это не для того, чтобы подразнить нас и наше, не щедрое на лакомства время, а как бы выразить сожаление о том, что «деньки веселые, вы канули во мрак», и надежду: «когда же это к нам вернется наконец?». В общем, хорошая песня. Жалко, что нельзя так же, как слова, взять и передать на бумаге мелодии — веселые, запоминающиеся, талантливые. Их автор — Сергей Березин.

Итак, песенные образы найдены, правда, ребята еще не окончательно подобрали подходящие костюмы для обитателей «Нескучного сада». Только Андрей Гончаров, музыкальный руководитель и аранжировщик, всегда сдержан и невозмутим в своих темных очках и шляпе.

Может быть, главное — это то, что в мелодиях песен «Нескучного сада» нет тоски, пессимизма, надрыва. Они большей частью лукавые и умные, веселые и добрые, хотя, строго говоря, можно найти в некоторых и несовершенство. Но давайте не будем заниматься этим, а лучше подождем, когда песни по настроению будут совпадать с жизнью. А это значит, мы не теряем надежды, что жизнь станет легче, радостнее, полнее. И пожелаем, чтобы пора цветения «Нескучного сада» была многолетней.

Лариса РУБАЛЬСКАЯ
Фото Л. ЛАЗЕРЕВА

Песни Криса Ри редко попадают в списки популярности ведущих музыкальных изданий мира, а имя — в скандальную хронику газет, что часто происходит со многими звездами эстрады. «Мне нечем похвалиться тем, кто любит посплетничать. Я пою песни о любви, почти ни с кем из именитых не общаюсь. И живу, как самый обычный человек», — сказал он как-то. Крис Ри редко дает интервью и выступает в благотворительных рок-акциях. И тем не менее новых пластинок английского артиста ждут миллионы поклонников во всем мире, надеясь в очередной раз услышать его изысканные гитарные партии и неповторимый хрипловатый голос.

Крис Ри родился в 1951 году в семье среднего достатка. В школе он ничем не отличался, не был ни спортсменом, ни героем уличных драк или покори-телем девичьих сердец. Домосед по натуре, проводил свободное время в обществе гитары и пластинок. Несколько позже начал играть в различ-

в моде был исключительно панк-рок. Чуть позже газеты — кто с сочувствием, кто с иронией — писали в рецензиях примерно следующее: «...так было бы отлично, не умеи Крис Ри так блестяще владеть гитарой».

Тем временем было продано более 30 тысяч пластинок — количество, достаточное, чтобы отправиться в турне, и Крис Ри проехал с концертами по Ирландии и Англии. Выступления музыканта, которого никто толком не рекламировал, проходили в полупустых залах, но те, кто купил билеты, остались довольны его музыкой, а сам певец узнал свои возможности и запросы аудитории. А главное — о нем стали писать газеты, после чего — просто невероятно! — композиция «Дурак, если думаешь, что все закончилось» стала хитом в США, а в Великобритании его дебютный альбом вошел в двадцатку лучших.

Музыкант продолжал работать. В 1979 году появилась пластинка «Делтикс», спустя год — «Теннис». Поскольку диски пользовались успехом, критики заговорили было о новой звезде английского рока, но фортуна в очередной раз отвернулась от певца — «новая волна» с головой накрыла молодежь Великобритании, а затем и других стран, и Крис снова остался без аудитории. Пластинка «Крис Ри» (1982 г.) провалилась. «В принципе я понимал, что мода на этих разукрашенных, словно петухи, ребят пройдет, но осознавать, что твои мысли и чувства оказались никому не нужны, чрезвычайно тяжело», — сказал Ри по поводу своей неудачи.

Однако ровно через год ситуация изменилась, и, начиная с альбома «Водяной знак», все следующие работы Ри становились хитами. «Водяной знак» вошел в двадцатку лучших альбомов Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, Западной Германии. Критики, говоря о причинах такой, по их мнению, внезапной популярности, отмечали кажущуюся на первый взгляд простоту музыкального оформления текстов песен, воспевающих понятные и близкие каждому общечеловеческие ценности.

Альбом «Дневники Шамрона» (1985 г.) подтвердил репутацию Ри как прекрасного мелодиста и аранжировщика — он занял верхние строчки хит-парадов Западной Германии, Великобритании, Голландии и Бельгии, следующий же диск — «На пляже» — стал «золотым» в Австралии, Новой Зеландии и Японии. Точно такой же успех ожидал его пластинку «Танцуй с незнакомцами» и последнюю работу — «Дорога в ад». Так что, по всей вероятности, поклонникам Криса Ри нет нужды печалиться, ведь у их мира — все в порядке. ■

Николай СОЛДАТЕНКОВ

ЗВЕЗДЫ РОКА

На восьмой звуковой дорожке Крис Ри повт свои песни «Потацумем» и «Те, что будет».

ТАНЕЦ С КРИСОМ РИ

ных малоизвестных группах. Поскольку, как ему самому казалось, он не обладал выдающимися вокальными данными, а его техника игры на гитаре — ничто по сравнению, скажем, с искусством Джимми Пейджера из «Лед Зеппелин», то создать собственный коллектив Крис Ри не спешил. Группы, в которых он выступал как аранжировщик и лидер-гитарист, возникали и распадались, и, как писала газета «Нью Мюзикл Экспресс», Ри почти смирился с участью «приходящего» музыканта. Но судьба распорядилась иначе.

В 25 лет, решившись на сольную работу, Крис подписал контракт на выпуск пластинок. Ему выдали аванс — выходило почти 50 долларов в неделю, и это казалось ему целым состоянием. Молодой музыкант как одержимый принялся за дело. «Я хотел вложить в диск все, что копились во мне все прошлые годы. Как ни смешно, но я рассматривал это как заявление остальному миру о себе как личности». Диск «Что случилось с Бенини Сантита?» вышел в 1978 году и в другое время мог бы стать заметным явлением в музыкальной жизни. Но тогда пластинка с добротными ритм-энд-блюзовыми композициями осталась незамеченной, поскольку

6(327)

июнь 1991 г.

Год издания 1964
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1991 г.

На первой странице
обложки —
фото А. Л. и Д. В. А.
Пластинки
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и ГАРЗ.
Кассеты
тиражированы
СП «Интертип».

Сдано в набор
14.04.91.

Подп. к печ. 25.04.91.
Формат 84 x 108 1/16.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 3,50.
Усл. кр.-отт. 6,30.

Тираж с пластинками
100 000 экз.

Тираж с кассетами
10 000 экз.
Зак. 424.

Цена 2 р. 30 к.
(с пластинками).

Цена 13 руб.
(с кассетами).

Ордена Ленина
и ордена

Октябрьской
Революции

типография
имени В. И. Ленина

издательства
ЦК КПСС «Правда».

125865, ГСП,
Москва, А-137,

ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25.

«Кругозор».
Телефон редакции:
241-67-67.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН.

Редакционная
коллегия:

Е. М. ВИНУКОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,

С. П. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ.

О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,

Т. С. ПЛИСОВА,
Ю. М. ПОЛЯКОВ,

М. М. РОЩИН,
А. Я. ЭШПАЙ.

Технический
редактор
Л. Е. Петрова.

Олег Назаров самый молодой среди писателей-сатириков. Чуть раньше он был самым молодым фельетонистом газеты «Московский комсомолец», а еще до этого — самым молодым членом Союза журналистов СССР.

Но не в этом его главная суть. Он окончил биофак, овладел английским, арабским, итальянским языками и работал редактором в детском журнале «Миша». И это вопреки тому, что, как утверждает мама писателя, критический взгляд на все окружающее был присущ ему с малых лет. «Я наш или импортный? — осведомился он, выглядывая из пеленок. — Наш? Вы что, не могли подождать завоза импортника?»

Позднее Олег всячески культивировал в себе эту Богом данную способность и прорастающий писательский дар. С этой целью он внимательно изучал характеры, мировоззрение встречающихся людей, их быт и нравы — в Китае, Турции, Индии, Египте, Сирии, Ливии — повсюду, куда забрасывала его нелегкая жизнь журналиста-переводчика.

Но самые душещипательные темы для своих монологов и рассказов он находил в жизни своих соотечественников. И мы рады сообщить поклонникам таланта Назарова, что все, что он «нашел» дома, скоро выйдет в украинском издательстве «Доверие». Это сборник сатирических рассказов «Дюжина воплей в ухо Президенту и кое-что для вечности».

В последнее время многие писатели-сатирики неожиданно обнаружили у себя актерские данные. Не отстал от коллег и Олег Назаров, который вместе с бородой, приобретенной для солидности, и своими острыми сатирическими монологами прекрасно смотрится и со сцены, и с голубого экрана телевизора.

В телевизионной передаче «АТАС!!!», которую Олег придумал в содружестве с артистом Михаилом Гладковым, он играет несколько ролей, используя прием мгновенной трансформации и клипы, органично входящие в общую ткань действия.

Что такое «атас!!!», мы с вами знаем с детства — это сигнал тревоги. В наше время клич этот преобразился в понятие удивления «Во дают!». Наибольшая степень удивления — это «полный атас!». Именно под таким названием проходят спектакли Олега Назарова в Москве, в Театре эстрады.

Эти программы своим появлением обязаны, несомненно, писательским и актерским талантам Олега Назарова, который достойно подтверждает почетное звание «Северянского врана», присужденное ему как победителю Одесской юморины. ■

Галина ЗАМКОВЕЦ

«СЕРЕБРЯНЫЙ ВРУН», КОТОРОМУ ВЕРЯТ

СМЕХ В ЗАЛЕ

На десятой звуковой дорожке — фрагмент выступления Олега Назарова в спектакле Государственного театра эстрады «Полный атас!».

Дружеский шарж В. ШАРКОВОЙ

В джазовых кругах Сара Воан ставят наравне, а то и выше первой леди джаза Эллы Фитцджералд (я, например, эту точку зрения поддерживаю). Но, удивительное дело, если феномен Эллы Фитцджералд глубоко исследован критикой, то о «Божественной Саре» — она в музыкальных кругах удостоилась этого титула — почти ничего не пишется как о человеке и артистке в самом широком смысле этого слова.

Пока я писал вступление, я понял, почему.

Во-первых, Воан на восемь лет младше Эллы Фитцджералд. Она начала свой путь на эстраде во время второй мировой войны, когда даже американцам было не до музыки. И, что еще важнее, талант ее расцвел после войны, когда в отличие от довоенной эпохи джаз уже не был интересен широкой публике. И этим сказано гораздо больше, чем может показаться. Если в период моды на довоенный свинг Элла Фитцджералд могла повальсировать с Луи Армстронгом прямо на сцене на бис, Сара Воан всегда скромно стояла около рояля и в соответствии с этикой нового джаза отвечала на аллодисменты скупыми поклонами. Широкой публике ее просто-напросто труднее было заметить.

Парадоксально, но факт — внешне судьба певиц почти не отличается друг от друга. Сара Воан выиграла любительский конкурс в гарлемском шоу-театре «Аполло» в 1942 году, то есть в том же возрасте, что и восемью годами ранее Элла Фитцджералд. Точно так же ее заметил руководитель оркестра — только уже не Чик Узбб, а Билли Экстайн. Как и Элла, Сара вскоре выходит замуж за музыканта, который становится ее менеджером. А еще раньше, как почти все негритянские дети, юная Сара поет в церковном хоре. Впрочем, в отличие от многих из них она выросла в сравнительно благополучной обстановке одноэтажной Америки — в штате Нью-Джерси — и не только пела в церкви, но и играла на органе.

Как ни странно, но известность она получила сначала как вторая пианистка в оркестре выдающегося джазового музыканта Эрла Хайнза, который в свое время был пианистом легендарной — «горячей пятерки» Луи Армстронга. В 1943 году девятнадцатилетняя Сара Лоис Воан становится солисткой ультрасовременного по тем временам оркестра, которым руко-

водил тромбонист и по совместительству... певец Билли Экстайн. Его, кстати, Сара Воан называла своим единственным учителем. Действительно, контакт между ними был идеальным — достаточно услышать их дуэт в песне «Посвящение тебе».

В дальнейшем творческая судьба певицы, так сказать, раздваивается. Вместе с молодыми первооткрывателями нового джаза — бибоба — она становится участницей важнейшего эстетического переворота в джазовой истории и параллельно, как и Элла Фитцджералд, отдает дань и эстраднему репертуару, правда, не очень задумываясь над ним.

По сути дела, с середины 50-х годов Сара Воан уверенно балансирует на той почти неуловимой грани, которая отделяет импровизационный джаз от высококачественной (простите за канцелярский стиль, но иначе, кажется, не скажешь) поп-музыки. И здесь мы подходим к самому главному. Сара Воан — воплощение профессионализма, она никогда и ничего не смогла бы сделать плохо, равнодушно, спустя рукава. Публика ничего не замечала, даже если актриса по тем или иным причинам пела, что называется, вполголоса.

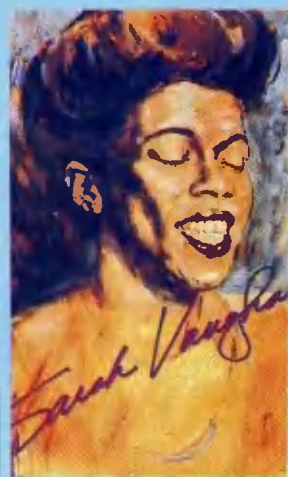
Сара Воан — это торжество гармонии слова и музыки, пения и аккомпанемента, традиции и новаторства, эмоциональной открытости и профессиональной безупречности. Повторим: внешне броских событий в ее жизни было немного, и пресса, даже специальная, внимания ей уделяла явно меньше, чем она заслуживала. Но, скажем, даже учебники по рок-музыке пишут об артистке «с другого берега» больше, чем о звездах поп-музыки. У Сары Воан всегда будет чему поучиться, и не только джазовым вокалистам.

И наконец, еще одно сравнение: голос Эллы Фитцджералд навсегда остался по-мальчишески ершистым, неприглаженным. Сара Воан вполне могла бы сделать оперную карьеру, если бы только захотела, но она предпочла неизведанные пути джазовой импровизации. Давайте запомним ее такой, какой она была, безупречным профессионалом. Мастером с большой буквы.

Дмитрий УХОВ

МАСТЕРА ЗАРУБЕЖНОГО ИСКУССТВА

БОЖЕСТВЕННАЯ САРА ВОАН

На шестой звуковой дорожке — «Посвящение тебе» (С. Кан), пелет С. Воан и Б. Экстайн; импровизация «Шули э бол» и «Чего хочет Лола» (Росс, Адлер) пелет Сара Воан.

6

Хотя группа «Твой день» существует немногим более года, ее история началась давно, когда еще ребенком Виктор Попов всерьез занялся музыкой. Играл в школе, в армии, выступал в джазовой студии, работал в джаз-оркестре Анатолия Кролла. Виктор играл джаз, джаз-рок, инструментальную музыку, пробовал даже сочинять детские песенки, но все-таки решил остановиться на диско-музыке. Почему именно диско? «Потому что диско, — считает он, — не уступает по сложности другим музыкальным стилям и таит в себе массу нераскрытых возможностей».

Вместе с друзьями Виктор Попов создает в Москве студию «Мир», в которой делали записи такие известные исполнители, как А. Барыкин, К. Семенова, А. Глызин и другие. Появилась возможность делать высококачественные записи, и Виктор приступает к осуществлению своих давних замыслов. Он начинает записывать первый магнитоальбом, а вскоре появляется новая группа, которую назвали просто «Твой день». «Это название нам понравилось тем, что может означать многое, и каждый может понимать его по-своему», — объяснили участники коллектива.

В группе шесть человек: барабанщик Игорь Хорсов, бас-гитарист и пианист Володя Буйнов, гитарист Рома Русское, с компьютерами,

синтезаторами, секвенсором умело управляется Михаил Долгачев. А солирует Люся Савельева. Шестой участник, как вы уже, наверное, догадались — Виктор Попов — солист, автор музыки и некоторых текстов. Но тем не менее он не считает себя вокалистом. Самое большое удовольствие для него в жизни — сочинять музыку, а петь и писать слова — это так, как говорится, для души.

Все члены группы «Твой день» — друзья детства, которых свел счастливый случай — запись магнитоальбома «Игла» в мае 1989 года. Через три месяца в Ташкенте состоялась первая концертная программа нового коллектива. И хотя они выступали вместе с Алексеем Глызиным, все равно волновались. И напрасно. Первые гастроли прошли успешно.

После показа видеоклипов группы «Твой день» в таких телевизионных программах, как «50 + 50», «120 минут», «Взгляд», «Десять лет — двадцать и старше», «Утренняя почта», и участия в «Телемарафоне Детского фонда» и фестивале «Звуковой джордж» популярность группы стала быстро расти. Успех почти сразу закрепился в различных хит-парадах. Его подтвердил выход второго альбома группы под названием «Мама». По мнению специалистов, песня этого альбома «Хуанхэ — Желтая река» — одна из самых сложных по

аранжировке во всей советской поп-музыке. Ее по достоинству оценили члены жюри I Международного конкурса видеоклипов «Супершоу-90», где она вошла в десятку лучших.

В ближайшее время на экраны выйдет художественный фильм «Короткая игла и ракет» (о мафии, о сложности сегодня, ней жизни), в котором звучат песни Виктора Попова и группы «Твой день». Ребята заканчивают работу над третьим альбомом, снимаются на телевидении, много гастроллируют. Свободн с утра, которого у них, правда, не так-то и много, стараются проводить вместе: играют в футбол, учатся раздавать автографы и отвечать на вопросы журналистов, любят пошутить над собой и над другими.

На вопрос «О чем твои песни?» Виктор Попов ответил: «Наши песни о любви, но в широком смысле — к природе, товарищам, к друзьям, нашим меньшим — собакам, вообще ко всем, кто слабее нас. Ну и, конечно, к девчонкам. Очень надоело, когда друг друга ненавидят, тошнит от агрессии и жестокости. Давайте будем добрее и приветливее друг к другу, давайте любить друг друга. Мы поем свои песни, чтобы больше было улыбок, чтобы светлее были лица...»

Дмитрий ТКАЧЕНКО
Фото А. СОИНА

Цена 2 р. 30 к. (с пластинками)

12

На двенадцатой звуковой дорожке песни В. Попова на стихи М. Гуськова, О. Колесниченко и В. Попова «Хуанхэ — Желтая река» и «Влюбленный май». Поет группа «Твой день».

